

Доктор Дэйв Мэтьюсон, Герменевтика, Лекция 14, Структурная и риторическая критика

© 2024 Дэйв Мэтьюсон и Тед Хильдебрандт

Итак, основной темой, которую мы обсуждали в связи с герменевтикой и библейской интерпретацией, были текстоцентрированные подходы. Мы рассмотрели, как герменевтика, герменевтическая теория и методы интерпретации отошли от более исторически ориентированных подходов, которые фокусировались на истории текста, замысле автора, источниках и формах, которые породили текст или автор, использованных в тексте, и сосредоточили внимание на намерении автора как главном детерминанте смысла в автороцентрированных подходах. Учитывая некоторые вопросы, поднятые таким подходом, исторически и логически фокус сместился в сторону литературных подходов или подходов, ориентированных на текст.

Итак, мы немного рассмотрели литературную критику, формализм, а также конкретно рассмотрели нарративную критику, что это такое, что она делает и как это может быть полезно при интерпретации библейского текста. Я хочу продолжить рассмотрение еще двух, вкратце, еще двух текстоцентрических подходов к интерпретации, которые не задают, по крайней мере один из них, не задают вопросы автору и не фокусируются на нем, а ищут смысл исключительно в тексте. Другой часто дает отчет автору, историческим читателям и предыстории, но все же фокусируется на тексте, а не на источниках и формах, стоящих за текстом, а фокусируется на тексте, его работе, его методах убеждения и тому подобном, что известно как риторическая критика.

Итак, мы поговорим об этих двух последних текстоцентрических подходах, и я включил риторическую критику в текстоцентричный подход и спрашиваю, что они из себя представляют, что они делают и как они могут быть полезны или нет

для библейской интерпретации и интерпретации текста. Ветхого и Нового Завета. Первый текстоцентрический подход, который я хочу рассмотреть, известен как структурализм, и я не хочу тратить много времени на его обсуждение по причинам, которые мы увидим, но структурализм, похоже, в целом исчерпал себя, и на самом деле он на смену пришло движение, известное как постструктурализм, о котором мы поговорим на следующем занятии, и оно уступило место другим методам. В некоторых отношениях структурализму трудно дать определение, особенно когда начинаешь о нем читать.

Это больше похоже на философию или подход к тексту, чем на конкретный метод или набор принципов. И снова структурализм был движением или подходом, выходящим далеко за рамки библейских и даже письменных текстов. Его использовали в гуманитарных науках, психологии, социологии и т. д.

Но в библеистике оно все же нашло свое применение и на самом деле развилось довольно рано, начиная с некоторых движений еще в 1920-х годах, но в конечном итоге также проникло и в библейские исследования. Согласно структурализму, что это такое, согласно структурализму самая глубокая и важная часть общения, а для наших целей сообщением является текст, а точнее текст Ветхого и Нового Завета, самая важная и глубокая часть общения. находится не на поверхностном уровне текста. Итак, когда кто-то читает текст, самая важная его часть и самая значительная часть значения и понимания находится не в поверхностной структуре текста, не в том, что лежит на поверхности страницы, а вместо этого смысл находится в глубине. структура, лежащая в основе текста.

Таким образом, эти два термина — поверхностная структура и глубинная структура — часто важны для структурализма. Попросту говоря, это означает, что поверхностная структура снова будет тем, что я нахожу на поверхности текста, в словах, грамматических конструкциях, в том, что мы часто называем контуром текста, в том, как текст структурирован и сложен. Но глубинная структура — это глубокая основная структура, которая на самом деле порождает то, что находится на поверхности.

И фактически структурализм тогда пытается проникнуть за поверхностную структуру, за то, что можно найти в тексте, восстановить глубокие структуры, более глубокие значения, которые породили это. Глубокая структура, о которой, вероятно, даже автор не догадывался. И вот структурализм вновь отошел от замысла автора.

Основная цель интерпретации состоит не в том, чтобы раскрыть задуманный автором смысл, поскольку глубинные структуры, создавшие поверхностную структуру, глубинные структуры, определявшие то, что написал автор, могут быть недоступны или вообще не известны автору. Эти глубокие смысловые структуры присущи самому человеческому мышлению. И в человеческом сознании.

И так создаются поверхностные структуры того, что мы часто связываем с формулировкой, грамматикой, тем, как текст составлен и выстроен его контур. И опять же, цель состоит в том, чтобы отобразить глубокие структуры, которые лежат прямо за поверхностной структурой текста. И что делает структурализм, так это то, что он часто работает с оппозициями.

Например, между светом и тьмой, добром и злом и т. д. и т. п. Один пример структурализма, а затем мы кратко рассмотрим одного человека, который

защищал, по крайней мере, в Северной Америке, и особенно в библейских исследованиях, отстаивал структурализм и затем кратко посмотрите, куда это пошло, и в порядке оценки.

Одним из примеров является структурализм. По крайней мере, некоторые из тех, кто работал со структурализмом и применял его к библейскому тексту, часто использовали модель, называемую актантной моделью. То есть, он рассматривает нарратив, в частности, с точки зрения первичных активов, первичной структуры, которая кажется универсальной структурой нарратива, порождающей все различные нарративы и различные поверхностные структуры. Например, эта актантная модель состоит из шести разных действующих лиц повествования.

И опять же мы не говорим, хотя не всегда так получается, я не думаю, но по крайней мере для тех, кто будет пропагандировать эту модель, они не столько говорят опять же о том, что видишь на поверхность в порядке повествования, но основная структура. Эта актантная модель состояла из шести частей или шести актантов повествования. Во-первых, был отправитель.

Первым элементом в повествовании был отправитель, который передавал объект получателю. Итак, у вас есть отправитель, который пытается передать объект получателю. И затем он делает это: отправитель передает этот объект получателю через субъект.

И этому субъекту помогают определенные помощники, которые будут пятой категорией, и противостоят определенные противники, которые являются вашей шестой и последней категорией. Итак, у вас есть эти шесть актантов в так называемой актантной модели, где отправитель пытается передать объект

получателю. И он делает это через субъект, которому помогают помощники и которому противостоят противники.

И тогда цель состоит в том, чтобы взглянуть на повествование и на то, как оно следует за структурой, и увидеть эту основную структуру, лежащую в основе историй и повествований. Например, и это применялось и к текстам Ветхого Завета, и к текстам Нового Завета, это применялось к притчам, пример этого мы увидим позже, и к более мелким повествовательным единицам, таким как притчи, меньшим историям, но также и к целым повествованиям.

повествования. Один интригующий пример, по крайней мере, в моей области интересов, книга Откровение, заключается в том, что Откровение часто подвергалось этой актантной модели, пытаюсь взглянуть на первичных актантов, первичную структуру, лежащую в основе повествования.

Например, отправителем Откровения, согласно одному анализу, отправителем Откровения является сам Бог. Объект, который он пытается сообщить, — это спасение или суд. Получателями этого объекта, получателями или получателями, будут церковь, семь церквей, к которым обращаются, или весь мир.

Субъект, посредством которого отправитель пытается передать этот объект, то есть спасение или суд, субъектом является Иисус Христос, которому помогают ангелы, ангельские существа в тексте, и которому противостоит ряд противников, особенно сатана. в главе 12 и т. д. Иногда эта модель этих шести актантов применяется к отдельным главам, а иногда вся книга Откровения анализируется в соответствии с этой моделью. И опять же, в мои намерения не обязательно входит оценка этого, хотя это могло бы помочь раскрыть, кто главные персонажи и какую роль они играют в повествовании.

Но просто хочу дать вам пример того, как библейские тексты иногда анализируются в соответствии со структурализмом или с учетом глубокой структуры текста. Как мы увидим чуть позже, одна из трудностей этого метода заключается в том, что иногда кажется, что те, кто утверждает, что анализирует глубокие структуры, на самом деле анализируют то, что находится на поверхности. Но мы вернемся к этому.

Я хочу очень кратко поговорить об одной из главных фигур, стоящих за структурализмом в библейских исследованиях, человеке по имени Дэниел Потте, RATTÉ. И большинство знает его как человека, который сделал структурализм популярным или сделал структурализм популярным среди североамериканских ученых-библеистов, а также в других местах. Дэниел Потт находился под влиянием движения, называемого французским структурализмом, и с середины 1970-х годов он выпустил ряд публикаций в виде книг и статей, в которых продемонстрировал ценность своего структурного подхода к библейской интерпретации, преподававшегося в Университете Вандербилта в США в течение многих лет и снова популяризировал среди ученых структурализм как подход к пониманию библейского текста.

И снова, что он сделал, так это то, что Потт предположил, что синхронный подход к тексту, который рассматривает текст таким, какой он есть, таким, какой он есть, раскроет различные структуры текста, лингвистические структуры, повествовательную структуру, мифические структуры, лежащие в основе первичного, самого текста, лежащие в основе структур текста. По мнению Потта, эти глубинные структуры, эти лингвистические, мифические и повествовательные структуры текста сложны и не обязательно известны автору. Но именно эти базовые структуры определяют смысл текста, а не замысел автора.

Итак, еще раз, когда я читаю библейский текст, цель состоит в том, чтобы иметь возможность нанести на карту и раскрыть основные структуры, которые породили то, что я вижу на поверхности, что могло быть или не быть вообще в уме автора. Итак, еще раз, по мнению Потта, намерение автора не имеет значения, когда дело доходит до интерпретации библейского текста, потому что вы имеете дело со структурами, о которых автор, возможно, не осознавал. Так, например, Потте часто анализировал повествовательные структуры в большей части своих произведений, а также в комментариях к библейскому тексту.

Он проанализировал повествование в соответствии с актантами или той актентальной моделью, о которой мы только что говорили, где есть отправитель, который отправляет и сообщает объект получателю через субъект. Субъекту помогают помощники и противостоят противники. Так, например, он проанализировал Доброго Самаритянина по этой модели.

И опять же, моя цель – не предложить согласиться с этим, а продемонстрировать, как можно проанализировать одну притчу в соответствии со структурой. Так и в притче о добром самаритянине обыграна история о путнике, который идет по дороге в Иерихон, и на него нападают воры или грабители. Священник и левит приходят и ничего не делают.

Затем приходит самаритянин и помогает ему, пытается вылечить его. Потте сказал в этой притче, что получателем действия был путник, человек, находившийся в дороге. Объект, о котором сообщает получатель, — это его здоровье.

Тема — самаритянин. А помощник — это обеспечение путника. И тогда противниками станут грабители, те самые, что его избили.

Итак, можно задать вопрос: а каков смысл такого анализа? Но сейчас я просто хочу продемонстрировать, как он использовал эту модель, чтобы понять одну притчу. Или, когда дело доходит до Иисуса и самаритянки, взаимодействие Иисуса с самаритянкой в Иоанна 4 Потт проанализировал в соответствии с оппозициями внутри текста. Это еще одна важная часть структурного анализа, как и анализа Дэниэла Потта, – раскрыть глубокую структуру с точки зрения оппозиций, присутствующих в тексте.

Так, например, в притче о добром самаритянине он обнаружил оппозицию между Иисусом и самаритянкой, оппозицию между личностью Иисуса и незнанием того, кем был Иисус, оппозицию между духовной водой и буквальной водой. И опять же, дело в том, что смысл повествования этого текста кроется в той глубокой структуре, которая лежит за текстом, а не в замысле автора. Теперь следует сказать одну вещь, к которой мы вернемся, делая заключительное заявление об этом методе, — это то, что структурализм, как я уже указывал, похоже, исчерпал себя.

Насколько я понимаю, вы больше не найдете многого, по крайней мере, вы не найдете слишком много работы над библейским текстом с структуралистской точки зрения, может быть, время от времени. Но опять же, по сути, это уступает место подходу, который мы рассмотрим на следующем занятии, а именно постструктурализму. Итак, несколько наблюдений по поводу этого метода.

Прежде всего, тогда мы вышли за рамки структурализма. Мы, опять же, об этом мало что слышим. Даже Дэниел Потт отошел от структурализма к более социологическим или культурным подходам к интерпретации текста.

Во-вторых, одна из трудностей, которую некоторые подчеркивали в отношении структурализма, — это сложный характер словарного запаса и технический

характер словаря, используемого для его описания. Часто приходится владеть словарем, весьма техническим словарем, чтобы понять и использовать метод. В-третьих, одно наблюдение, на которое я уже намекал, заключается в том, что часто идеи, которые якобы дает структурализм, больше основаны на поверхностной структуре текста, а не на глубокой структуре.

Итак, возникает вопрос, какова связь между ними. И порой некоторые идеи структурализма не сильно отличаются от идей, которые можно было бы получить, просто анализируя саму поверхностную структуру. Так что порой это мало чем отличается от литературной критики.

Номер четвертый: следует ли нам игнорировать поверхностную структуру текста ради лежащей в его основе глубокой структуры? Опять же, какова тогда цель поверхностной структуры? Следует ли это игнорировать, ведь это все, что у нас есть? Это единственное доказательство существования какой-либо глубокой структуры. Конечно, не следует игнорировать саму структуру поверхности. И пятый вопрос: как нам проверить структурную экзегезу, если все, что у нас есть, — это сам текст? Итак, по некоторым из этих и других причин структурализм больше не является главным игроком в герменевтике.

И опять же, вы мало что об этом слышите. Вы не увидите многого, что об этом написано, хотя некоторое влияние оно все же имеет. И это был важный метод, сыгравший важную историческую роль.

Итак, я затронул эту тему. Но я оставляю это на этом, потому что по сути этот подход как бы исчерпал себя и уступил место другим герменевтическим теориям и подходам к интерпретации библейского текста. Итак, сказав это, я хочу перейти к последнему текстоцентрическому подходу, который я рассмотрю, а именно к риторической критике.

Как я уже упоминал, это не исключительно текстоцентрический подход, поскольку он не обязательно ставит в скобки автора или то, что часто называют риторической ситуацией. Вот что иногда некоторые из нас могут сказать об историческом фоне, породившем библейский текст. Таким образом, эти вопросы часто по-прежнему представляют интерес для риторических критиков.

Но опять же, поскольку оно фокусируется на тексте в целом, поскольку оно фокусируется на структуре и работе текста, я поместил его здесь. И кстати, учитывая то, о чем мы только что говорили, с этого момента, когда я буду говорить о структуре, я буду иметь в виду поверхностную структуру текста. Я не буду использовать его в техническом смысле, как структурализм использовал его для обозначения лежащей в его основе глубокой структуры.

Но когда я говорю о структуре, я буду говорить о том, как, используя ее, говорить о том, как скомпонован текст, о поверхностной структуре текста. Итак, поскольку риторическая критика фокусируется на тексте в целом, на структуре текста, я отнес ее к категории текстоцентрических подходов. Хотя, опять же, на этот счет можно и поспорить.

Мне кажется, что основной особенностью риторической критики является анализ текста с точки зрения текста как средства убеждения. Он анализирует текст с точки зрения его приемов убеждения и способности убедить аудиторию. Классические выражения, по крайней мере, древней риторики, восходят к Аристотелю и другим древнегреческим и римским риторам, а также к тому, как они понимали риторику.

И они оставили нам множество произведений, которые, по крайней мере, знакомят нас с их теориями риторики и тем, как это делалось. И многие из них

оценили ценность этих работ, поскольку они пытаются разобраться с убедительными аспектами риторических аспектов библейских текстов. Итак, в свете риторической критики библейские тексты анализируются риторически, а также то, как они структурированы и собраны вместе, чтобы убедить, и как они содержат убедительную аргументацию.

И опять же, риторическая критика сыграла значительную роль в интерпретации как Ветхого, так и Нового Завета. И мы увидим, особенно в Новом Завете, что есть пара фигур, которые особенно связаны с анализом документов Нового Завета почти исключительно с риторическим подходом. На самом деле существует два подхода, особенно в исследованиях Нового Завета, два подхода к риторической критике.

Прежде всего, можно просто изучить риторические приемы документа, сосредоточив внимание на таких вещах, как стиль, фигуры речи или риторическая аргументация, и глядя на риторические единицы или снова риторический стиль или на то, как аргументация работает в тексте. Один общий метод или модель, применимый как к Ветхому, так и к Новому Завету, включает эти шаги. Во-первых, идентификация риторической единицы, то есть просто идентификация единицы текста путем выделения начала и конца единицы.

Во-вторых, возникает вопрос о риторической функции: как эта единица функционирует в более широком контексте? Но в-третьих, анализируя также риторическую обстановку, это ситуация, которую рассматривает это подразделение, и то, как оно функционирует, что оно пытается сделать. И наконец, анализ стиля преподавания этого модуля и таких вещей, как доказательства и аргументация. Таким образом, в этом отношении риторическая критика использовалась довольно широко, чтобы рассмотреть

определенные разделы с точки зрения их риторических техник, их функций, средств аргументации и т. Д.

И опять же, вы можете найти множество примеров этого как в Ветхом, так и в Новом Завете. Однако действительно прижился второй подход к риторической критике, особенно в исследованиях Нового Завета, а именно анализ текстов Нового Завета, будь то большие фрагменты текстов, особенно речей, или, более конкретно, анализ эпистолярной литературы, письма и послания Павла и других авторов Нового Завета, чтобы проанализировать их согласно древним риторическим речам и древним образцам риторической речи. Обычно древние модели, которые обсуждаются и обрисовываются в некоторых древних руководствах по риторике, таких как Аристотель и написанные Аристотелем и другими, а затем берут эти категории, берут эти риторические речевые формы и модели и анализируют документы Нового Завета в свете что.

Двумя выдающимися личностями, которые сделали больше всего, по крайней мере, среди ученых-евангелистов, особенно, но даже за пределами христианских евангелистов, в первую очередь был человек по имени Джордж Кеннеди, который много работал в области классической греко-римской литературы и был первым, кто, один из первых, кто пропагандировал и популяризировал применение греко-римской риторики к текстам Нового Завета и анализировал такие тексты, как Нагорная проповедь и другие документы, в соответствии с греко-римской риторикой. Вероятно, влиятельный учёный, популяризирующий среди исследователей Нового Завета, популяризирующий риторические подходы к документам Нового Завета, где вы снова, вы бы взяли не просто анализ фигур речи и убедительных средств текста, некоторые вещи, которые мы уже рассмотрели. Бен Уизерингтон часто ассоциируется с риторической критикой, но взял целые риторические речи из греко-римских учебников по риторическим текстам и полностью применил их к библейскому

тексту. А Бен Уизерингтон написал комментарии практически к каждому документу Нового Завета, и большинство из них, большинство из них, маркируются как социально-риторический комментарий, социальный риторический комментарий к Посланию к Римлянам, социальный риторический комментарий к Посланию к Галатам, социальный риторический комментарий. о Филиппийцах и т. д. и т. п.

Таким образом , он продюсировал, как и еще несколько человек, он оказал влияние, внося свой вклад в серию социальных риторических комментариев, в которых библейский текст анализируется в свете древних риторических условностей. По мнению тех, кто анализирует речи или речи, особенно, например, в Деяниях, вы находите речи Деяний или даже речи Иисуса, такие как Нагорная проповедь в Евангелиях, вы находите их анализируемыми часто по риторическому принципу. Однако мы сказали, что послания, и в частности послания Павла, по-видимому, предоставили много плодотворного материала для применения риторической критики. При этом полноценная риторическая речь, в соответствии с традициями греко-римской речи первого века и более ранними, может содержать большую часть или все из следующего.

Во-первых, риторическая речь должна включать в себя так называемое наставление . Увещевание просто излагает причину, это своего рода введение, оно излагает причину, излагает проблему и пытается вызвать сочувствие аудитории и пытается заставить аудиторию сочувствовать человеку, отстаивающему свою точку зрения. Второе — это то, что известно как повествование , которое, по сути, представляет собой повествование или отчет о фактах, или о предыстории и фактах дела.

В-третьих, это так называемое *propositio* , которое, по сути, является тем, о чем договорились, или основным пунктом, который будет обсуждаться, или своего

рода основным тезисом, который будет отстаивать автор. Далее следует номер четыре, испытательный срок . Условие — это доказательства и аргументы, к которым апеллирует автор, причем доказательства часто бывают двух типов .

В испытательном сроке испытательный срок часто представляет собой более длинный раздел, который снова включает в себя все аргументы в пользу доказательства *propositio* или того, что человек пытается аргументировать. Часто есть два типа доказательств. Часто можно апеллировать к пафосу или эмоциям или к логосу, это своего рода логическая аргументация.

Итак, в испытательном сроке вы увидите эти два типа аргументации или доказательств. Пятое — это то, что называется *refutatio* , и это раздел, опровергающий доводы оппонента. И, наконец, то, что известно как *peroratio* , *perorat* -i -o, *peroratio* , которое просто суммирует аргумент, своего рода последнее обращение со стороны говорящего.

Итак, эти шесть частей — *exordium*, *Narratio* , *Propositio* , *Propositio* , *refutatio* , *peroratio* — вы найдете в большинстве вводных статей Нового Завета к риторической критике или в большинстве подходов к риторической критике в рамках новозаветной науки. И опять же, большинство или все из них можно найти в документе. И документы Нового Завета часто снова анализируются в соответствии с этими типами категорий.

Другая важная особенность риторической критики, которая, по-видимому, обнаруживается в древних учебниках по риторике, состоит в том, что существует три типа исторических речей, риторических речей. И опять же, вы можете найти обсуждение этих трех вопросов практически в любой трактовке риторической критики в Новом Завете. Прежде всего, риторическую речь можно отнести к судебной.

То есть судебная риторическая речь будет доказывать правильность или неправильность прошлых действий. И, как следует из названия, местом для такого типа риторической речи, естественно, был зал суда. Таким образом, риторическая речь судебного типа будет доказывать, что прошлый поступок был либо правильным, либо неправильным.

Второй тип риторической речи — это так называемая совещательная риторика. Совещательная риторика приводила доводы, пыталась убедить или отговорила аудиторию от дальнейших действий. Таким образом, судебная риторика сосредоточилась на прошлом действии, независимо от того, было оно правильным или неправильным.

Совещательная риторическая речь либо убеждает, либо отговаривает аудиторию от участия в будущих действиях. Таким образом, предположительно, это был образ действий, который был желателен (оратор пытался убедить их принять участие в этом), или образ действий, который был нежелателен, а затем автор отговаривал их следовать этому курсу. И вот, наконец, третий тип риторической речи получил название эпидиктический, ЭПИДЕИКТИЧНЫЙ.

И опять же, вы можете найти эти имена в заголовках практически в любом трактате, посвященном риторической критике Нового Завета. Эпидиктическая риторика, по сути, заключалась в использовании похвалы или порицания для подтверждения какой-либо точки зрения или набора ценностей в настоящем. И так либо хвалить, либо обвинять, используя техники похвалы или порицания, направлены ли они на человека, или опять же на убеждение или набор ценностей в настоящем.

Итак, эти три типа риторики, снова судебная риторика, прошлый поступок, суждение о правильности или неправильности прошлого поступка, совещательная риторика, сосредоточенная на убеждении или разубеждении аудитории в правильности или неправильности будущего образа действий, и затем эпидиктическая риторика, утверждающая что-то в настоящем. Итак, отправной точкой или одной из самых важных вех, я думаю, так это можно выразиться, одной из самых важных вех для входа риторической критики в исследования Нового Завета стал человек по имени Ганс Дитер Бец, который написал статью: или тоже написал статью, но написал комментарий, важный комментарий в серии, называемой серией комментариев «Герменей» , и в ней он утверждал, что Послание к Галатам было апологетической или судебной риторикой. И поэтому он одним из первых в изучении Нового Завета стал анализировать новозаветное письмо с помощью приемов риторических речей.

И что он сделал, так это то, что он взял эти шесть особенностей полноценной риторической речи: наставление , повествование, *propositio* , испытание и т. д., а также, начав с этих трех типов риторики, он пришел к выводу, что книга Послания к Галатам функционировала прежде всего как апологетическая или судебная риторика. То есть убедить читателей в правильности или неправильности прошлого поступка. Итак, например, вы снова можете взять его комментарий и увидеть более подробное описание того, что он делает, но, например, он рассматривал 1-ю, 6-11 главу Послания к Галатам как наставление , ту часть, которая как бы устанавливает причина.

Это сделано для того, чтобы вызвать сочувствие у читателей. Затем главы 1, 12 и главу 2, стих 14 он назвал повествованием. И в этом разделе Послания к Галатам, в середине главы 1 и главы 2, вы обнаруживаете, что Павел обсуждает свою жизнь до иудаизма и свое взаимодействие с иерусалимскими апостолами, и особенно с Петром в Антиохии.

Поэтому Бетц назвал это повествованием, излагающим предысторию и факты дела. Глава 2, стихи с 15 по 21 тогда были *propositio*. Это был основной тезис.

Это то, о чем договорились, главный тезис, который будет обсуждаться в остальной части книги. Номер четыре, тогда испытательный срок, Бетц отождествил с главой 3, стихом с 1 по конец 4. Таким образом, главы 3 и 4 представляли собой, по сути, длинную серию доказательств или аргументов, которые, как Бетц видел, Павел использовал для обоснования своей позиции. И, наконец, он назвал главы с 5 по 6 параназисом, то есть материалом, требующим напряжения, который на самом деле не вписывается в такого рода риторический речевой образец.

Но последние две главы он рассматривал как параназис или материал, требующий напряжения и командования. Многие действительно отреагировали на Бетца и предположили, что Послание к Галатам на самом деле не является извиняющимся. Я имею в виду, что вы посмотрите на последние две главы и увидите, что Павел определенно убеждает своих читателей повиноваться, к послушанию.

И когда вы читаете Послание к Галатам, он пытается отговорить их от действий, предпринимаемых иудействующими, и убедить их жить жизнью в духе. По этой причине совсем недавно те, кто анализировал Послание к Галатам, например, с риторической точки зрения, анализировали его как часть совещательной риторики. И даже некоторые объединили его, предполагая, что в нем есть черты и апологетической, и совещательной риторики.

Например, Бен Уизерингтон в своей комментарии к Посланию к Галатам утверждает, что Послание к Галатам — это образец совещательной риторики. И

он также анализирует его по тем же категориям, что и наставление и близкое соотношение. Хотя интересно сравнивать Беца и Уизерингтона и даже других, кто анализировал Послание к Галатам, иногда они существенно различаются в том, где они делят текст, или какие разделы принадлежат *propositio*, или какой раздел принадлежит тому или другому.

Но дело в том, что Послание к Галатам предоставило своего рода плодотворное поле для применения риторических подходов к новозаветным посланиям. Но и другие письма Нового Завета, как я уже сказал, также подвергались риторической критике. Например, и многие из них были, Бен Уизерингтон предоставил комментарии, но и другие тоже.

Послание к Римлянам, Книга Ефесянам анализировались в соответствии с греко-римской риторикой, Книга Филиппийцам - рядом ученых, Книга Иуды и другие подвергались риторическому анализу, вероятно, с разными и разными успехами. . Что же тогда сказать о риторической критике в плане оценки? Прежде всего, когда дело доходит до риторической критики, я думаю, что ценность риторической критики состоит в том, что она делает две вещи. Во-первых, это может пролить свет на функцию различных разделов речи, письма или, например, пророческого текста.

Когда определенные тексты или определенные разделы текста функционируют аналогично разделам риторической речи, этот полномасштабный риторический тип анализа библейского текста может пролить свет на функцию различных разделов, когда кажется, что аналогия действительно существует и кажется, что она существует. соответствовать тому, как они работают. Однако во-вторых, риторическая критика также больше фокусирует наше внимание на аргументации и убеждении. Это напоминание о том, что Послание к Галатам – это не богословский документ или богословский трактат.

В первую очередь Павел намеревался не сообщать богословские данные или богословские истины, хотя он и делает это, хотя это глубокий богословский документ, но это богословие, служащее убеждению читателей принять определенный образ действий. Таким образом, риторическая критика может помочь нам увидеть документы в соответствии с их истинным намерением, убеждая читателей принять определенную точку зрения, убеждая читателей следовать определенному образу действий, а не просто рассматривая их как вместилище теологической истины или опору. для богословской системы. Опять же, хотя они глубоко теологичны, они представляют собой богословие, служащее пастырскому намерению Павла убедить читателя.

Таким образом, это как бы отражает пастырское намерение и функцию посланий Нового Завета. Третья ценность, очевидно, заключается в том, что риторическая критика фокусируется на всем тексте и фокусируется на тексте в целом, а не на его разделении на различные источники и формы. Риторическая критика помогает нам сосредоточиться на всем тексте, на том, как он функционирует и как работает.

Хотя, на мой взгляд, у риторического подхода все же есть ряд ограничений. Прежде всего, одна из опасностей заключается в навязывании конструкции текста, будь то более современные риторические подходы или даже использование древних риторических речей и теперь навязывание их литературному тексту. Мы вернемся к этому еще раз.

Но, например, у меня часто создается впечатление, что, читая комментарии Бена Уизерингтона и другие риторические подходы, всю ценность этого подхода и некоторую полезную информацию иногда можно обнаружить, когда дело доходит до попытки справиться с проблемной проблемой. текст или стих,

они часто рассматривают несколько интерпретаций, но затем выбирают интерпретацию, которая, по моему мнению, имеет меньшую поддержку, но, похоже, соответствует типу риторики, будь то увещание , испытательный срок или предложение . Основываясь на том, что мы знаем об этих категориях, они часто выбирают наиболее подходящую интерпретацию. Итак , Уизерингтон скажет что-то вроде: «Пол занимается этой проблемой, потому что это не обычная проблема, с которой приходится иметь дело в совещательной риторике или что-то в этом роде», тогда как может быть более подходящее объяснение того, почему Пол занимался этой проблемой.

Или этот текст означает это, потому что именно это он сделал бы в риторической речи, эпидейктической речи, тогда как могло бы быть более подходящее объяснение и интерпретация этого текста. Таким образом , он принимает форму риторической речи, а затем часто интерпретирует данные в свете этого, иногда таким образом, что по крайней мере некоторые примеры, которые я видел, можно было бы объяснить более ясно и лучше другими средствами. Во-вторых, как бы связанный с этим, это риторическая критика, и опять же я говорю в основном о втором методе, который применяет целые риторические речевые модели к большим разделам библейского текста, будь то речь или целые послания, например.

На мой взгляд, риторические речевые модели игнорируют четкие формальные признаки литературного жанра в самом тексте. То есть, на мой взгляд, интерпретация текста и идентификация текста должны начинаться с формальных критериев самого текста. И я думаю, что одна из трудностей с риторической критикой заключается в том, что нет формального контроля или формальных индикаторов того, где находится наставление и откуда я знаю, что это совещательный характер, откуда я знаю, что это эпидейктика, где

формальные индикаторы, которые покажите вот наставление , теперь я перешел к испытательному сроку , или к параратио , или к нарратио .

Я думаю, что большинство суждений просто исходят из возможных аналогий и схожих функций между разделами. Но, по моему мнению, не хватает четких, ясных формальных индикаторов, которые бы продемонстрировали, что у вас есть наставление, а затем повествование , предложение , испытательный срок и т. д. и т. п. Вместо этого, когда я особенно читаю письма Нового Завета, и даже книга Послания к Галатам, основные формальные показатели, единственная формальная форма, которая является грамматической, и различные формулы, которые можно найти в письме, единственные индикаторы - это то, что Павел пишет письмо первого века, что-то похожее на письмо первого века или Послание первого века.

Опять же, я не думаю, что хочу заходить так далеко и говорить, что Павел не находился под влиянием греко-римских риторических речевых моделей. Я не хочу сказать, что он этого не знал, хотя это дискуссия, которая затрагивает эту тему. В какой степени воспитание и образование Павла включало в себя обучение и практику греко-римской риторики? Это продолжающаяся дискуссия, и она оказывает на это влияние, но, тем не менее, когда кто-то смотрит на письма Нового Завета, кажется, что единственные формальные подсказки, которые можно найти, это то, что Павел пишет письмо первого века.

Это включает в себя типичное эпистолярное начало. Мы вернемся к этому, когда перейдем к жанровой критике в следующем занятии, но если посмотреть, например, на Послание к Галатам, то можно обнаружить типичные эпистолярные условности, и это верно для всех посланий Павла. У них будет типичный способ открыть послание, Павел, Апостол Иисус Христос кому-то, приветствия, а затем обычно перейти к благодарению, хотя этого не хватает в

Послании к Галатам, а иногда и у тех, кто анализирует его с точки зрения риторики. критики говорят, что именно потому, что это совещательная речь, из-за риторических условностей благодарение отсутствует.

есть и другие причины, по которым здесь отсутствует благодарение, но, кроме этого, вы обнаружите очень типичную формулу послания первого века. Например, когда вы читаете, позвольте мне прочитать только часть, позвольте мне прочитать часть главы 4 Послания к Галатам, и причина, по которой я собираюсь это сделать, заключается в том, что это пример того, как те, кто анализирует текст в соответствии с Я думаю, что к риторическим приемам часто обращаются грубо и игнорируют четкие формальные показатели. Например, четвертая глава Послания к Галатам обычно рассматривается как часть испытательного срока Павла , то есть это всего лишь его доказательство, его аргументация, но что интересно, так это начало стиха 8. Формально, когда вы не знали Бога, вы были рабами тех, кто по природе не боги, но теперь, когда вы познали Бога или, вернее, познаны Богом, как же вы возвращаетесь к тем слабым и жалким началам? Разве вы не хотите снова оказаться в их рабстве? Вы наблюдаете особые дни, месяцы, времена года и годы.

Я боюсь за тебя, что каким-то образом я зря потратил на тебя свои усилия. Умоляю вас, братья, станьте такими, как я. Вы не сделали мне ничего плохого.

Как вы знаете, именно из-за болезни я впервые проповедовал вам Евангелие. На этом я останавлиюсь, но одна интересная вещь в этом разделе, которая не обязательно обнаруживается при чтении английского перевода, это то, что он включает в себя пару важных формул, которые предполагают, что Павел сделал здесь небольшой сдвиг и начал новый раздел, чтобы раздел письма с просьбой. Так что это не испытательный срок , серия доказательств, теперь это раздел запросов, и он на самом деле складывает три или около того типичных формул

эпистолярного типа, которые вы могли бы найти в письмах первого века, чтобы указать, что происходит что-то иное.

Это своего рода новый раздел или новый акцент в письме или что-то в этом роде, но я хочу просто проанализировать эту четвертую главу как испытательный срок, серию доказательств в риторической речи, упускающих из виду ряд важных формальных особенностей, которые позволяют предположить, что что Павел в первую очередь следует формату послания первого века. И опять же, я убежден, что основные подсказки, которыми мы должны руководствоваться при чтении, должны быть формальными, то есть то, что текст указывает на то, что он делает. И если риторическая критика помогает нам это понять, то хорошо, но навязывать тексту риторическую речевую схему, игнорируя четкие формальные особенности, мне кажется проблематичной.

Третий и связанный с этим вопрос — можно ли когда-либо смешивать буквы в риторических речах. Даже если бы Павел действительно имел образование и знал об этих риторических речевых моделях (а он, возможно, и был), некоторые ученые все равно сомневались, были ли когда-либо смешаны риторические речевые модели, а также послания и письма. Поэтому я пришел к выводу, что нам следует осторожно использовать риторическую критику.

И что еще более важно, я думаю, нам следует избегать массового применения целых речевых моделей к библейским текстам, особенно к письмам Нового Завета. Риторическая критика, опять же, может помочь нам в освоении методов убеждения, сосредоточении внимания на аргументации и некоторых приемах, которые, возможно, использовал Павел. Иногда риторический анализ с использованием целых речей может помочь нам увидеть функции текста и то, как они работают.

Но в то же время, я думаю, нам нужно с осторожностью брать целые риторические речи и навязывать их библейским текстам и анализировать текст прежде всего в сочетании с этими риторическими речевыми моделями. Это подводит нас к концу подходов к интерпретации, ориентированных на текст, и подходов, которые фокусируются на тексте как основном месте значения. Текст — это то, что определяет смысл, будь то литературные подходы или нарративная критика, структурализм, который, как мы сказали, как бы исчерпал себя, и риторическая критика, которая, не вынося за скобки автора или исторического фона, все еще фокусируется на тексте и тексте в целом. .

Одна из трудностей, связанных с подходами, ориентированными на текст, заключается в том, что подходы, ориентированные на текст, по-прежнему не придают тексту какого-либо объективного значения. Таким образом, подходы, ориентированные на текст, вскоре исторически и логически уступили место третьему аспекту модели коммуникации — читателям. Вскоре стали заметными подходы, ориентированные на читателя, то есть рассмотрение смысла перед текстом и поиск места смысла в читателе.

И сегодня структурализм в основном уступил место так называемому постструктурализму, который включает в себя множество подходов, в том числе и фокусируется на подходах, ориентированных на читателя, на том факте, что именно читатели понимают текст. Итак, на следующем занятии мы сместим фокус и рассмотрим, в частности, подходы, ориентированные на читателя, а также перейдем к разговору немного о деконструктивизме и паре других подходов, которые подпадают под методы, фокусирующиеся на читателе и смысле, присущий читателю, а не тексту или автору.